

ПЕТРЯТИН ДВОР И ПРОБЛЕМА РАННЕГО ПОСАДНИЧЕСТВА В
НОВГОРОДЕ

В 1127–1130 г. князь Всеволод Мстиславич построил в честь своего сына каменный храм Рождества Иоанна Предтечи, известный как церковь Ивана на Петрятине дворе (дворище) или Иван на Опоках¹.

В. Л. Янин предположил, что первоначальная деревянная церковь св. Иоанна могла быть возведена еще при епископе Никите (1096–1109 г.), а владельцем двора, где она была построена, был второй после Завида-Евстафии боярский посадник² Петр, деятельность которого приходится на руб. XI–XII в.³

В этой версии вызывает сомнение одно обстоятельство, а именно, местоположение Петрятина двора, который, судя по сохранившейся церкви св. Иоанна на Опоках, находился за пределами Славна (Славенского конца), к северу от Торга, то есть на территории, где в XI–XII в. проживало внекончанское население. Если следовать традиционному определению новгородского боярства как касты аристократов, обязанных своей сословной принадлежностью только происхождением от родоплеменной старейшины древнейшего периода новгородской истории⁴ и вытекающему из этого тезиса выводу о том, что местом проживания бояр (и, соответственно, боярских посадников) в XII в. были территории трех древнейших концов (Славенского, Неревского и Людина), но никак не внекончанские земли, то получается, что владельцем двора, использованного под строительство церкви св. Иоанна, не мог быть новгородский боярский посадник. Кстати, о посадничестве дворовладельца Петряты не говорит ни один из летописных источников, а версия о его посадничестве появляется, кажется, впервые только у Макария⁵.

Следовательно, Петрята, скорее всего, являлся одним из не упомянутых в письменных источниках людей из окружения князей Мстислава (если следовать версии В. Л. Янина о построении церкви во время епископа Никиты) или Всеволода (если предположить, что в 1127 г. был заложен первоначальный храм). При этом он мог быть посадником (тем самым Петрилой из списка посадников НПЛ)⁶, но, учитывая внекончанское местоположение его усадьбы, пришлым и поставленным князем, как, например, посадники Борис (1120–1125 г.) и Данила (1129 г.), присланные в Новгород из Киева князьями Владимиром Всеволодовичем и Мстиславом Владимировичем соответственно⁷.

Данная проблема тесно связана с вопросом о посадничестве в Новгороде на раннем этапе его истории. По мнению В. Л. Янина, на протяжении XI в., когда Новгород являлся частью киевской великокняжеской вотчины, понятия «посадник» и «князь» были тождественны, то есть великокняжескую власть в Новгороде мог представлять или князь-посадник, или посадник не княжеского происхождения, а соправительство князя и посадника одновременно исключалось⁸.

Одним из доказательств этого тезиса послужила статья ПВЛ о новгородской дани (1015 г.), где князь Ярослав Владимирович приравнивается к посадникам: «...а тако даяху (дань. — Г. Д.) все посадници новъгородъстии, а Ярославъ сего не даяше...»⁹, «...и тако даху вси посадницѣ новъгородъстии, а Ярославъ поча сего не даяти...»¹⁰. Однако в НПЛ младшего извода аналогичная

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (ПСРЛ. Т. III.) М., 2000. С. 21 (далее — НПЛ).

² Имеются в виду посадники, занимавшие степень после организации в 80-х г. XI в. (по версии В. Л. Янина) боярского посадничества в Новгороде (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 78–84).

³ Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 197.

⁴ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 213.

⁵ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. СПб., 2003. Т. I. С. 286. Прим. 126.

⁶ НПЛ. С. 164.

⁷ НПЛ. С. 21, 22; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 90, 92–94.

⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 79.

⁹ Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. Т. I.) М., 1997. Стб. 130.

¹⁰ Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. II.) М., 1998. Стб. 114–115.

статья формулируется иначе: «...и тако даяху вѣси князи новгородстии, а Ярославъ сего не даяше...»¹¹ (курсив везде наш. — Г. Д.).

А. А. Шахматов считал это сообщение НПЛ новгородским по происхождению и, не связывая его с Начальным сводом, включал данный текст в гипотетический Новгородский свод 1050 г.¹²

То есть получается, что приравнивание новгородского князя к посаднику отражает «киевский взгляд» на проблему в 10-е г. XII в.¹³, в то время как «с точки зрения Новгорода середины XI в.» соотношение между новгородским князем и посадником было несколько иным¹⁴.

Все это можно трактовать двояко. С одной стороны, может показаться, что уже тогда в Новгороде четко разделялись два равноправных и независимых друг от друга института власти: княжеская и посадничья. Но эта версия не имеет под собой никакой доказательной базы. С другой стороны, можно предположить, что посадничество в этот период было представлено в новгородской государственности, но посадники играли второстепенную роль¹⁵, что и исключало возможность приравнивания их к князьям.

Среди исследователей вопроса о раннем новгородском посадничестве — в основном, предшественниках В. Л. Янина — распространено мнение о том, что новгородские посадники XI — нач. XII в. являлись назначенными великими князьями советниками при князьях, посаженных в Новгороде¹⁶.

Более того, сам В. Л. Янин моделирует схожую ситуацию для первого новгородского княжения Мстислава Владимировича, полагая, однако, что посадники-соправители, появившиеся в 1088 г., были выборными и происходили из местной боярской верхушки («посадники нового типа»). При этом предполагался некий договор между великокняжеской властью в лице Всеволода Ярославича и новгородцами, закреплявший, с одной стороны, новгородский стол за потомством Всеволода, а с другой стороны, предусматривающий участие самих новгородцев в лице местных посадников в государственном управлении¹⁷.

Обосновывая указанные положения, исследователь, в частности, приводит заявление новгородцев о том, что они «оускормили есмы собѣ князя» (Мстислава)¹⁸, а также вывод, сделанный на основе анализа списка посадников НПЛ, о том, что «посадничество нового типа» появляется именно в начале новгородского княжения Мстислава.

При этом В. Л. Янин объясняет появление посадника при князе именно в это время спецификой ситуации начала княжения Мстислава, когда, ввиду малолетства князя¹⁹, власть должна была быть организована путем разделения функций представительства, осуществляемых самим Мстиславом, и функций контроля, осуществляемой другим лицом — выборным новгородским посадником («посадником нового типа»).

Первым из таких посадников исследователь считает протопроедра Евстафия, известного по своим актовым печатям, которого он отождествляет с Завидом, открывающим перечень «загадочных посадников», отсутствующих в летописных статьях и стоящих в списке посадников НПЛ между Остромиром и Добрыней (Завид, Петрята, Константин, Миронег, Савва, Улеб, Гюрята и Микула)²⁰.

¹¹ НПЛ. С. 168.

¹² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб., 2002. С. 132, 436.

¹³ Время составления второй и третьей редакций ПВЛ 1116 и 1118 г. (см.: Творогов О. В. Повесть временных лет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 340).

¹⁴ По крайней мере, здесь князя, сидевшего в Новгороде, как посадника, похоже, не воспринимали.

¹⁵ За исключением тех случаев, когда они правили в Новгороде самостоятельно без князя. Примером здесь могут служить Добрыня и Константин Добрынич на отдельных этапах своей новгородской деятельности.

¹⁶ См., например: Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1842. Т. II. С. 107. Прим. 258; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 2001. Кн. II. Т. III. С. 36; Ключевский В. О. Русская история. М., 1993. Кн. 1. С. 378, 380; Феннел Д. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989. С. 55 и т. д.; резюме: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 65.

¹⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 83–84.

¹⁸ 1102 г. см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 251.

¹⁹ В 1088 г., когда Мстислав впервые был посажен в Новгороде, ему было 12 лет (он родился в 1076 г.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 190).

²⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 84–87.

Сам факт занятия новгородского стола малолетним князем не являлся таким уж исключительным для Новгорода. Ведь традиция сажать на новгородский стол сыновей великих князей наблюдается начиная с Х в., причем в некоторых случаях княжичи оказывались в Новгороде в весьма юном возрасте, что обуславливало необходимость присутствия при них опытных советников (посадников?).

Например, Константин Багрянородный свидетельствует, что во время великого княжения Игоря в Новгороде сидел его сын Святослав²¹. Учитывая то, что Святослав родился в 942 г.²², а сочинение Багрянородного описывает ситуацию до смерти Игоря (945 г.)²³, получается, что Святослав был посажен в Новгороде еще малолетним ребенком. По предположению комментаторов текста Багрянородного в этот период за Святослава мог править его кормилец Асмуд²⁴. То есть вполне возможно, что в лице Асмуда мы можем видеть одного из первых новгородских советников (посадников?) при князе.

Владимир Святославич также был посажен на новгородский стол (970 г.) в юном возрасте²⁵. При нем состоял в качестве советника (посадника?) его дядя Добрыня, который впоследствии, после ухода Владимира на киевский стол, исполнял в Новгороде функции самостоятельного посадника²⁶.

По данным Лаврентьевской летописи Ярослав Владимирович сел на новгородский стол ок. 989 г. в возрасте 11 лет²⁷, что, само собой, подразумевает наличие при нем опытного советника (посадника?). Не исключено, что таким советником мог быть опять-таки Добрыня, а позднее — его сын Константин.

Тот же Константин Добрынич вполне мог являться не только самостоятельным посадником — представителем великого князя Ярослава в Новгороде в 1016—1030 г., но позднее также состоять и в качестве советника при малолетнем (?) князе Илье Ярославиче (1030—1034 г.), а причиной последовавшей затем опалы Константина могла быть смерть этого князя (по крайней мере, летописное сообщение вполне допускает и такую трактовку²⁸).

И, наконец, Владимир Ярославич был посажен на новгородский стол в 1034 г. в возрасте четырнадцати лет²⁹.

Касаясь вопроса о предполагаемом договоре Всеволода Ярославича с новгородцами, надо иметь в виду, что закрепление новгородского стола за Мстиславом Владимировичем и его потомками было в значительной степени выгодно самим новгородцам как шаг к созданию местной княжеской династии, обеспечивающей политическую стабильность как во внутренней жизни Новгорода, так и в его взаимоотношениях с другими русскими землями³⁰. Такая стабильность вряд ли могла быть достигнута при частой смене князей на новгородском столе, зависящей исключительно от воли великих князей киевских. Заинтересованность Новгорода в собственной княжеской династии хорошо прослеживается и позднее (события 1102, 1132 г.)³¹.

²¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 45.

²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 34.

²³ Там же. С. 43.

²⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 311. Прим. 8.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 57. Точная дата рождения Владимира неизвестна. Неправильным следует считать предположение В. Н. Татищева, что Владимир Святославич родился в 948 г. (Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. II. С. 70). Это противоречит известной из Ипатьевской летописи дате рождения его отца Святослава — 942 г. (см. выше). Если считать последнюю дату достоверной, то отсюда следует, что Владимир в 970 г. был еще ребенком.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 57, 67; НПЛ. С. 122, 128. Следует отметить, что при этом он не попал в список посадников НПЛ.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 142; 162.

²⁸ «...и идя (Ярослав. — Г. Д.) къ Киеву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина, и заточи и; а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ» (НПЛ. С. 161).

²⁹ НПЛ. С. 180; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 70—71.

³⁰ Не следует забывать, что эта акция Всеволода Ярославича шла в разрез с традиционным «горизонтальным» порядком замещения княжеских столов и вряд ли могла быть поддержана остальными Рюриковичами.

³¹ Здесь весьма показательна знаменитая фраза: «оускормили есмы собѣ князя» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 251). Вероятно, в рамках идеи создания новгородской княжеской династии (в данном случае потомков Владимира Ярославича) следует рассматривать и предпринятую Ростиславом Владимировичем, по предположению В. В. Мавродина и А. В. Кузы, неудачную попытку

Однако утопическая идея о новгородской династии вошла в противоречие с реалиями древнерусского государства, в первую очередь, с «горизонтальной» схемой замещения княжеских столов, что, в конечном итоге, во многом и породило кризис 1136 г. и обусловило дальнейшую нестабильность как во внутренней, так и во внешней политике Новгорода в XII в., в какой-то степени отразившую, с поправкой на новгородскую специфику, ушибы между различными княжескими домами, определявшими политическую жизнь домонгольской Руси.

Если оценивать попытку закрепления Новгорода за Мстиславом и его потомством как акцию, выгодную в первую очередь новгородцам, то вряд ли можно ожидать от Всеволода Ярославича еще и значительного послабления великокняжеского контроля над Новгородом посредством создания института независимых посадников-соправителей князя. Скорее надо думать, что для Всеволода, посадившего своего внука в Новгороде, более логичным было бы не делать малолетнего Мстислава марионеткой в руках местного боярства, а, наоборот, приставить к нему надежных советников, представляющих в Новгороде великокняжеские интересы.

Вероятно, именно таким советником (посадником?) при двенадцатилетнем Мстиславе Владимировиче был Евстафий, который, по предположению А. В. Кузы, до этого выступал в аналогичной роли при малолетнем же князе Ростиславе Всеволодовиче (младшем сыне Всеволода Ярославича) в начальный период его переяславского княжения. Доказательства А. В. Кузы основаны на анализе актов печатей некоего Евстафия, найденных в Южной Руси, и типологически близких к новгородским печатям протопроедра Евстафия. И там, и здесь изображены святые покровители князей-сюзеренов владельцев печатей. У южнорусского Евстафия это архангел Михаил (князь Ростислав-Михаил), а у новгородского протопроедра Евстафия — св. Феодор (князь Мстислав-Федор). То есть Евстафий, действительно, мог быть советником (посадником) при малолетнем князе Мстиславе Владимировиче, пришедшим вместе с ним в Новгород по указанию деда Мстислава — великого князя Всеволода Ярославича³².

Но можно ли отождествить Евстафия с посадником Завидом, как считает В. Л. Янин? В принципе можно³³, однако надо принять во внимание факт, отмеченный В. Л. Яниным, что, т. н. «загадочные посадники», помещенные в список НПЛ между Остромиром и Добрыней (см. выше), могут быть соотнесены с периодом от начала новгородского княжения Мстислава Изяславича (1057 г.?) до конца новгородского княжения Мстислава Владимировича (1117 г.)³⁴. Поэтому вполне возможно, что советники-посадники могли быть и при других новгородских князьях, сидевших в Новгороде после 1057 г.: Мстиславе Изяславиче (1057—1067 г.), Глебе Святославиче (1068—1078 г.), Святополке Изяславиче (1078—1088 г.), а также и при князе Давиде Святославиче (1094—1096 г.), правившем в Новгороде после ухода Мстислава на ростовский стол.

Однако, как убедительно показал В. Л. Янин, изображение св. Феодора на печатях протопроедра Евстафия связывает последнего с князем Мстиславом Владимировичем, а сфрагистический тип этих булл говорит о принадлежности их ко времени до начала великого княжения Святополка Изяславича (1093 г.). Это дает определенную «реперную точку» для списка «загадочных посадников» и в то же время значительно увеличивает вероятность идентификации Евстафия как первого посадника из этого списка, то есть Завида³⁵.

закрепления на новгородском столе (1060—1064 г.), который он мог расценивать как свою вотчину (Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 161; Куза А. В. Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. М., 1968. С. 302—304).

³² Куза А. В. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.) // Советская археология. 1977. № 3. С. 121—129.

³³ Не относя его при этом вслед за В. Л. Яниным к «посадникам нового типа» (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 85—87).

³⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 78—79.

³⁵ См.: Там же.

В отличие от В. Л. Янина, относящего появление независимого новгородского посадничества к началу первого новгородского княжения Мстислава Владимировича (1088 г.), А. А. Молчанов считает наиболее вероятной датой введения «посадничества нового типа» 1064 год, когда новгородский стол был передан князю Мстиславу Изяславичу. По мнению исследователя, договор о местном выборном посадничестве был заключен с новгородцами отцом Мстислава — великим князем Изяславом Ярославичем, а предпосылки для такой политической акции сложились во время гипотетического княжения в Новгороде Ростислава Владимировича (1060–1064 г.)³⁶, закончившегося якобы изгнанием Ростислава недовольными им новгородцами. В связи с этим А. А. Молчанов считает всех посадников из «загадочного списка» «посадниками нового типа» и предлагает отнести посадничество Завида ко времени новгородского княжения Мстислава Изяславича, Петряты — Глеба Святославича, Константина — Святополка Изяславича, Миронегга — ко времени первого княжения Мстислава Владимировича, Саввы — Давида Святославича; Улеба, Гюряты, Микулы и Добрыни — ко второму княжению Мстислава Владимировича. При этом он, соглашаясь с предложенной В. Л. Яниным датировкой печатей протопроедра Евстафия, отождествляет последнего с посадником Миронеггом³⁷.

Аргументация А. А. Молчанова основана, с одной стороны, на не выходящей за рамки гипотезы версии В. В. Мавродина и А. В. Кузы о новгородском княжении Ростислава, а с другой — на не подтвержденном письменными источниками предположении о конфликте Ростислава Владимировича с новгородцами³⁸. Поэтому, на наш взгляд, для столь важных и принципиальных выводов о появлении в Новгороде «посадничества нового типа» еще в 60-е годы XI в. и вытекающей отсюда новой интерпретации списка «загадочных посадников» здесь явно не хватает доказательств.

По мнению В. Л. Янина, оригинал посадничьего списка НПЛ начинался с Завида, поскольку описывал однородные факты, то есть противостоящих друг другу князя и посадника³⁹. Однако как понимать тогда включенных в список посадников Бориса и Данилу, присланных великими князьями из Киева в Новгород⁴⁰? Это явление совсем другого порядка, не сопоставимое с независимым новгородским посадничеством. По-видимому, однородность оригинала списка НПЛ определяется не противостоянием князя и выборного посадника, а единообразием функций соуправления с князем, присущих как назначаемым, так и выборным посадникам.

Вероятно, на протяжении первой трети XII в. происходил переход от преимущественно пришлых назначаемых посадников к исключительно местным, избираемым самими новгородцами (и те, и другие, по крайней мере, формально, были посадниками-советниками при князе)⁴¹. Процесс этот был постепенным, с временными «откатами», что и отразилось в посадничьем списке НПЛ.

Иллюстрацией здесь может служить представленная ниже таблица, где перечислены новгородские посадники, начиная с Добрыни, с указанием обстоятельств получения ими должности. При этом предполагается, что в том случае, когда речь идет об избрании посадников новгородцами, в летописных статьях применяются термины «даша (вѣдаша) посадницѣство».

³⁶ См.: Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 161; Куза А. В. Кто был наследником Остромира в Новгороде? С. 302–304.

³⁷ Молчанов А. А. Новгородские события 1054–1064 г. и возникновение посадничества нового типа // Вестник МГУ. Сер. IX. История. 1974. Вып. 6. С. 85–86.

³⁸ Более правдоподобной выглядит версия А. В. Кузы о бегстве Ростислава из Новгорода(?) в результате конфликта с Изяславом Ярославичем (Куза А. В. Кто был наследником Остромира в Новгороде? С. 304).

³⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 80.

⁴⁰ НПЛ. С. 21, 22, 472; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 90, 92–94.

⁴¹ В. О. Ключевский по этому поводу писал, что выборы посадников на вече происходили вначале во время переходных периодов между княжениями для того, чтобы исключить безвластие в Новгороде, а затем, по-видимому, после смерти Мономаха, избрание посадников стало постоянным правом новгородцев (Ключевский В. О. Русская история. Кн. 1. С. 381; см. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. III. С. 36).

Год получения должности	Посадник	Обстоятельства получения должности	Летописная статья НПЛ
1117	Добрыня	?	-
1117	Дмитр Завидович	?	-
1118	Константин Моисеевич	?	-
1120	Борис	Прислан из Киева Владимиром Всеволодовичем	«Приде Борисъ посадницитъ въ Новъгородъ» (С. 21).
1126	Мирослав Гюрятинич	Избран	«...въдаша посадницъство Мирославу Гюрятиницю» (С. 21) ⁴² .
1128	Завид Дмитрович	Избран	«...въдаша посадницъство... Завиду Дмитровицю» (С. 22).
1129	Данила	Прислан из Киева Мстиславом Владимировичем	«Въниде ис Кыева Данилъ посадницитъ Новугороду» (С. 22).
1130	Петрила Микульчич	Избран	«...а Петрилу даша посадницатъ Новугороду» (С. 22).
1134	Иванко Павлович	Избран	«...отяша посадницъство у Петрила и даша Иванку Павловицю» (С. 23)
1135	Мирослав Гюрятинич	Избран	«...даша посадницъство Мирославу Гюрятиницю» (С. 23)
1136	Константин Микулчич	Избран	«...а посадницъство даша Костянтину Микульцицю...» (С. 24)
1137	Якун Мирославич	Избран	«...и въдаша посадницити Якуну Мирославицю...» (С. 24).

⁴² См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 90, 92–94.

Как видно из таблицы, обстоятельства, при которых получили степень Добрыня, Дмитр Завидович и Константин Моисеевич⁴³, неясны, хотя фактом является их посадничество при князе Всеволоде Мстиславиче. Затем из Киева приходит по указанию Владимира Мономаха Борис⁴⁴, а после смерти Мономаха имеется первое четкое указание на избрание самими новгородцами посадника (Мирослав Гюрятинич, 1126 г.). В дальнейшем единственным посадником, присланным из Киева (Мстиславом Владимировичем), является Данила (1129 г.), остальные же посадники избираются на вече.

Переход от назначенных князем посадников к избираемым «посадникам нового типа», связан, в первую очередь, с событиями первых девяти лет новгородского княжения Всеволода Мстиславича.

После смерти Добрыни (1117 г.)⁴⁵, вероятно, еще ставленника Мстислава⁴⁶, посадником становится Дмитр Завидович и посадничает 7 месяцев «одину», то есть без князя⁴⁷. По-видимому, Всеволод (не исключено, что с подачи Мстислава) поставил его в Новгороде в качестве блюстителя своих интересов, а сам отъехал на юг к отцу.

После смерти Дмитра Владимир Мономах вместе с Мстиславом вызывают в Киев новгородских бояр и приводят их к присяге («заводи я къ честному хресту»), а некоторых задерживают за грабежи каких-то Даньслава и Ноздрьчи (по-видимому, сторонников Всеволода) (1118 г.)⁴⁸. С какой стати понадобилась великому князю присяга и без того подвластных ему новгородцев? Очевидно, здесь мы можем видеть свидетельство того, что новгородцы, сидевшие продолжительный срок без князя, восприняли это как нарушение Всеволодом условий договора о новгородском столе, а поставленный на посадничество Дмитр Завидович полноценной замены князя обеспечить не мог. О действиях жителей Новгорода в этой ситуации письменные источники почти ничего не сообщают⁴⁹, но даже на основе имеющейся скудной информации можно говорить о том, что в 1118 г. мы наблюдаем один из первых кризисов политики создания новгородской княжеской династии.

Сходные обстоятельства сложились во время отъезда Всеволода в Киев к Мстиславу после смерти Мономаха в 1125 г.⁵⁰ В Новгороде был оставлен его малолетний сын Ивор-Иоанн⁵¹, которого в отсутствие Всеволода новгородцы провозгласили своим князем. Двухлетнее княжение Ивора-Иоанна завершилось возвращением Всеволоду новгородского стола⁵².

Статья НПЛ за 1126 г. содержит сообщение о последовавшем за указанными событиями первом избрании посадника (Мирослава Гюрятинича)⁵³. Все это свидетельствует об очередном кризисе власти в Новгороде: новгородцы, как и в 1118 г., восприняли уход Всеволода как нарушение договора о столе⁵⁴. Ценой возвращения ему новгородского стола, по-видимому, явились дополнительные условия,

⁴³ С. М. Соловьев считал, что этот посадник был поставлен киевским князем (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. II. С. 504).

⁴⁴ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 99.

⁴⁵ НПЛ. С. 20.

⁴⁶ Может быть, о неместном происхождении этого посадника косвенно свидетельствует резко негативная оценка его деятельности, представленная в Повести о посаднике Добрыне (Никольский А. И. Сказание о двух новгородских чудесах из жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня // ИОЯРС. СПб., 1907. Т. XII. Кн. 3. С. 98–116).

⁴⁷ НПЛ. С. 21; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 91.

⁴⁸ НПЛ. С. 21.

⁴⁹ Кроме, как уже говорилось выше, грабежей Даньслава и Ноздрьчи.

⁵⁰ НПЛ. С. 21.

⁵¹ По-видимому, под опекой присланного еще в 1120 г. из Киева посадника Бориса (НПЛ. С. 21).

⁵² Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Новгород, 2001. С. 25–27; НПЛ. С. 21.

⁵³ НПЛ. С. 21.

⁵⁴ Уход Мстислава на юг в 1117 г. был спокойно воспринят новгородцами не только потому, что, как предполагает В. Л. Янин, не существовало договора о его пожизненном княжении в Новгороде (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 89–90), но и вследствие официальной передачи новгородского стола сыну Мстислава Всеволоду (НПЛ. С. 20), что, вероятно, было воспринято как сохранение престолонаследия в руках новгородской княжеской династии. В 1125 же году, по-видимому, мало того, что, по мнению жителей Новгорода, был нарушен договор о пожизненном княжении, но к тому же не было и никакой официальной передачи стола. Это вынудило новгородцев, разочарованных во Всеволоде, «внести ясность» и провозгласить Ивора-Иоанна своим князем.

выразившиеся в появлении первого выборного посадника и создании института «посадничества нового типа», что следует воспринимать как шаги в направлении повышения стабильности местной государственности. Именно с этого времени выборы посадников становятся непременным атрибутом внутренней жизни Новгорода⁵⁵.

А. А. Зимин в рецензии на первое издание монографии В. Л. Янина «Новгородские посадники» отмечал, ссылаясь на существующую в литературе точку зрения, что переход к «посадничеству нового типа» и соответствующее докончание князя с Новгородом связаны с событиями 1125–1126 г.⁵⁶ Здесь же говорилось, что приезд из Киева на посадничество Бориса в 1120 г. нужно расценивать как попытку киевского князя нарушить складывающуюся традицию назначения на посадничью должность представителей местной знати⁵⁷. Вероятно, указанная традиция являлась в какой-то степени компромиссом князя с Новгородом, не имевшим, однако, перспективы, что и выразилось в дальнейшем переходе к выборному посадничеству «нового типа».

Результаты новейших исследований В. Л. Янина, посвященных этому периоду новгородской истории, в частности, выводы о княжении младенца Ивора-Иоанна в отсутствие Всеволода (1125–1126 г.) и о формировании тогда же сместного суда⁵⁸, на наш взгляд, как нельзя лучше подтверждают хронологические рамки введения «посадничества нового типа» по версии, на которую ссылается А. А. Зимин.

Таким образом, по-видимому, целесообразно вернуться к традиционной оценке событий 1125–1126 г.⁵⁹, ставших важным этапом в сложении Новгородской республики, когда после очередного кризиса княжеской власти и связанного с этим растущего разочарования в идее создания новгородской княжеской династии потомков Мстислава, получили официальное оформление институт независимого выборного посадничества и сместной суд князя и посадника.

Надо полагать, что голод 1127–1128 г.⁶⁰ отнюдь не упрочил положение Всеволода на новгородском столе, о чем свидетельствует прибытие из Киева от Мстислава Владимировича посадника Данилы, сменившего выборного, но, вероятно, лояльного к Всеволоду Завида Дмитриевича⁶¹.

После смерти Мстислава и пресеченной Юрием Владимировичем неудачной попытки Ярополка сделать Всеволода наследником великого княжения с переводом его в Переяславль, противостояние Всеволода с Новгородом возросло еще в большей степени, что и выразилось в кризисе 1132 г.⁶² И хотя Всеволод после временного изгнания был возвращен в Новгород, тем не менее, втягивание Новгорода в междоусобицу с Суздаlem, закончившееся поражением у Ждановой горы, довело это противостояние до полного разрыва в 1136 г.⁶³

Так и была похоронена утопическая идея новгородцев о собственной княжеской династии потомков Всеволода Ярославича⁶⁴, и одновременно с этим сделаны очень важные шаги в направлении республиканского устройства Новгорода.

⁵⁵ НПЛ. С. 21–24 и след.

⁵⁶ За основу данной «традиционной» версии взяты летописные сообщения о вторичном утверждении новгородцами Всеволода на столе и о первом избрании посадника.

⁵⁷ Зимин А. А. Рецензия на кн.: В. Л. Янин «Новгородские посадники» // Советская археология. 1963. № 3. С. 273–274. Еще В. О. Ключевского писал, что среди советников-посадников были и представители местного новгородского населения (Ключевский В. О. Русская история. Кн. 1. С. 396). Безусловно, необходимым условием назначения на посадничью должность являлась лояльность кандидата по отношению к князю.

⁵⁸ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 23–30.

⁵⁹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. II. С. 505; Зимин А. А. Рецензия на кн.: В. Л. Янин «Новгородские посадники». С. 73–74 и след.; резюме: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 101.

⁶⁰ НПЛ. С. 21–22.

⁶¹ Там же. С. 22.

⁶² Н. М. Карамзин считал, что выборное посадничество появилось в Новгороде после событий 1132 г.: «...Посадники, издревле знаменитые слуги князей, сделались их совместниками в могуществе, будучи с того времени избираемы народом» (Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II. С. 107. Прим. 258).

⁶³ НПЛ. С. 24.

⁶⁴ Своеобразный рецидив этой идеи можно видеть в обстоятельствах многолетнего княжения в Новгороде Ярослава Владимировича — внука Всеволода Мстиславича (1181–1184, 1187–1196, 1197–1199 г.), подробно исследованных

Здесь мы попытались очертить «внешнюю канву» этого переходного процесса. Что же касается внутренних причин означенных преобразований, то, безусловно, верной остается оценка В. Л. Янина, показавшего, что их следует рассматривать как первые политические результаты образования в Новгороде класса местных бояр-землевладельцев⁶⁵, стремившихся к максимально возможной политической независимости от княжеской власти.

Посадники-советники, вначале эпизодически появлявшиеся в Новгороде, в основном, при малолетних князьях, постепенно стали постоянным институтом государственной власти, причем если в начале посадники присылались из Киева от великих князей или назначались князьями из лояльных представителей местного населения⁶⁶, то в дальнейшем они стали исключительно местными, избираемыми на вече самими новгородцами.

Собственно, здесь перед нами предстают как бы два состояния новгородской государственности, разделенные принципиально важными, «революционными» по своей сути, но все-таки во многом постепенными и растянутыми по времени преобразованиями⁶⁷, происходившими в период новгородского княжения Всеволода Мстиславича. По крайней мере, к моменту изгнания Всеволода в 1136 г. существование местного посадничества и сместного суда уже не вызывает сомнений.

Тогда же восторжествовал и принцип «вольности в князьях», получивший свое «юридическое оправдание» в договоре Всеволода с Новгородом о пожизненном княжении⁶⁸.

Институт посадников-советников при князьях явился той самой основой, на которой развилось независимое, но на начальном этапе формально близкое ему новгородское посадничество⁶⁹. Основой этого формального сходства является присутствие во властных органах и князя, и посадника (назначенного князем или избранного на вече).

По-видимому, независимо от того, были ли посадники назначенными или избранными, на первых порах они выполняли одни и те же функции. Не исключено, что как косвенное доказательство этого тезиса можно рассматривать представительный комплекс однотипных посадничьих печатей времен Всеволода (всего 34 экземпляра), убедительно соотнесенных В. Л. Яниным с персонажами из посадничьего списка НПЛ⁷⁰. Смена функций и усиление посадничьей составляющей во власти, вероятно, явились в большей степени следствием, а не причиной появления выборных посадников.

А. А. Гиппиусом (см.: *Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII // Церковь Спаса на Нередице. К 800-летию памятника. М., 2005. С.11–25*).

⁶⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 100.

⁶⁶ В первую очередь, по-видимому, из осевших в Новгороде людей из княжеского окружения (см. ниже).

⁶⁷ Несмотря на переломный характер событий 1125–1126 г.

⁶⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 90.

⁶⁹ Хочется подчеркнуть, что речь здесь в первую очередь идет не о причинах появления посадничества «нового типа», а о формальном сходстве раннего посадничества при князьях (с посаженным великими князьями неместным, а иногда и местным контингентом) с первыми опытами новгородского независимого посадничества.

⁷⁰ В этом комплексе представлены буллы и избранных посадников, и посадников, назначенных князем. В настоящее время известна одна печать посадника Добрыни (Михаила?) (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. I. С. 191), четыре – Дмитра Завидовича (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. С. 191; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III. С. 127; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 2002. Вып. 16. С. 160), четыре – Константина Моисеевича (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. С. 191; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. С. 127; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. С. 161), две – Бориса (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. С. 191; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 2003. Вып. 17. С. 356), двенадцать – Мирослава (Иакова?) Гюратинича (интерпретация сомнительная, т. к. шесть из них найдены во Владимирской и Нижегородской областях, а также Старой Рязани и одна на Белоозере) (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. С. 192; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. С. 128; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 2000. Вып. 14. С. 344; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 2001. Вып. 15. С. 184; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые

По-видимому, одним из пришлых или недавно укоренившихся в Новгороде посадников-советников (тем же Петрилой из списка НПЛ), а может быть, просто человеком из княжеского окружения, имевшим свой двор на внекончанских землях Торговой стороны (будущей территории Плотницкого конца, где впоследствии был воздвигнут храм Рождества Иоанна Предтечи), и мог быть упомянутый в летописи Петрята.

Однако встает вопрос о том, каким образом двор Петряты мог оказаться в распоряжении князя, использовавшего его для церковного строительства?

В связи с этим следует перейти к вопросу о княжеских браках в Новгороде.

А. В. Гиппиус в своей статье, посвященной новгородским потомкам ярла Рёгнвальда, вполне справедливо отмечал, что женитьбы князей на боярских дочерях, будучи явлением экстраординарным для дома Рюриковичей, невзирая на возможную политическую подоплеку таких браков, в каждом случае требовали «какого-то генеалогического оправдания». Исследователь рассмотрел бракосочетания с князьями дочерей Петра Михалковича (1155 г.) и Якуна Мирославича (1176 г.) и, основываясь на положениях работы А. А. Молчанова⁷¹, показал, что указанные новгородские бояре, отцы княжеских невест, происходили из знатных родов Прусской и Добрыни улиц, по-видимому, ведущих свое происхождение от ладожского наместника — ярла Рёгнвальда Ульвссона, двоюродного брата княгини Ирины-Ингигерды, жены Ярослава Мудрого. То есть «генеалогическое оправдание» браков их дочерей с князьями Мстиславом Юрьевичем и Мстиславом Ростиславичем Безоким, по мнению А. А. Гиппиуса, имело место⁷².

Однако эти два случая не исчерпывают княжеские браки в Новгороде.

В 1122 г. Мстислав Владимирович женился на дочери посадника Дмитра Завидовича («...оженися Мъстиславъ Киевъ, поя Дмитровъну Новѣгородъ Завидиця»⁷³; «...привезоша из Новгорода Мъстиславу жену другую Дмитровну Завидову внуку»⁷⁴), а в следующем году в Новгороде женится его сын Всеволод Мстиславич («Оженися Всѣволодъ, сын Мъстиславъ, Новѣгородъ»⁷⁵).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что жена Мстислава Владимировича могла иметь наследственную недвижимость, то есть дворы, в Новгороде⁷⁶, одним из которых и был двор некоего Петряты, где ее пасынок Всеволод возвел храм Рождества Иоанна Предтечи.

А. И. Семенов считал, что владельца Петрятина двора можно отождествить с посадником Петрилой Микульчичем⁷⁷, а, по предположению Т. В. Кругловой, именно этот посадник был отцом жены Всеволода Мстиславича (Веры по В. Н. Татищеву)⁷⁸.

печати, зарегистрированные в 2001 г. С. 161; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 2004. Вып. 18. С. 144), четыре — Завида (Федора?) Дмитровича (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. С. 191; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. С. 127—128; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. С. 356), одна — Данилы (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. С. 191), три — Петрилы Микульчича (Там же. С. 192; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 290) и три Иванки Павловича (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. С. 192; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. С. 356).

⁷¹ Молчанов А. А. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиновичей) // Памятники старины: концепции, открытия, версии. Памяти В. Д. Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80 — 84.

⁷² Гиппиус А. А. «Соуть люди новгородъци от рода варяжьска...» // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2001. С. 59—65.

⁷³ НПЛ. С. 21.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 286.

⁷⁵ НПЛ. С. 21.

⁷⁶ Если следовать версии В. Н. Татищева (см. выше), то же самое можно сказать и о жене Всеволода.

⁷⁷ Семенов А. И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода // Новгородский исторический сборник (далее — НИС). Новгород, 1961. Вып. 10. С. 149—150.

⁷⁸ Круглова Т. В. Из истории княжеских браков в Новгороде в XII в. (о семейных связях Всеволода Мстиславича и Святослава Ольговича). С. 222—223. В. Л. Янин допускает возможность бракосочетания Всеволода с дочерью Петрилы Микульчича, исходя из предположения, что крест, изготовленный для Софийского собора мастером Братилой по заказу Петра Микульчича и его жены Варвары мог быть посвящен именно этому событию в параллель аналогичному кресту,

Известный по сообщениям НПЛ Петрила Микульчич занимал в 1131–1134 г. посадничью степень, затем, во время суздальского похода 1134 года, лишился ее в пользу Иванки Павловича и был убит вместе с последним в битве у Ждановой Горы в 1135 г.⁷⁹

Казалось бы, если следовать гипотезам А. И. Семенова и Т. В. Кругловой, то все становится на свои места: князь Всеволод возводит храм св. Иоанна в честь своего сына на усадьбе жены, перешедшей к ней от отца — Петрилы Микульчича (в качестве приданого?).

Однако, к сожалению, эта версия уязвима для критики.

В основу гипотезы Т. В. Кругловой положены два сообщения В. Н. Татищева: во-первых, о том, что жена Всеволода (Вера) была дочерью человека, занимавшего должность тысяцкого в Новгороде в 1123 г. (см. выше), а во-вторых, что именно в качестве тысяцкого Петрила Микульчич участвовал в походе 1135 г.⁸⁰ Но ни первое, ни второе сообщение не подтверждает ни один источник. Известно лишь, что в 1131–1134 г. Петрила был посадником, избранным самими новгородцами (см. выше), что как будто бы делает более предпочтительным его местное происхождение. А поскольку избираемых республиканских тысяцких в Новгороде тогда еще не было⁸¹, то вероятность занятия им должности княжеского тысяцкого тем самым снижается (хотя и не исключается полностью).

Но в наибольшей степени ставит под сомнение возможность отождествления Петра Микульчича с владельцем Петрятина двора то, что по версии В. А. Бурова, убедительно обоснованной текстами берестяных грамот, этот посадник проживал в Неревском конце⁸² и, следовательно, вряд ли мог иметь двор на Торговой стороне.

Вернемся к жене Мстислава Владимировича — дочери Дмитра Завидовича, бракосочетание которой с князем подразумевает ее знатное происхождение, вплоть до родственных связей с домом Рюриковичей⁸³.

Как уже говорилось выше, подобный «генеалогический прецедент» для невест князей Мстислава Юрьевича и Мстислава Ростиславича был рассмотрен А. А. Гиппиусом⁸⁴. Однако, судя по всему, в Новгороде, кроме потомков Рёгнвальда Ульвссона, могли проживать и другие родственники князей.

Один из таких родов мог происходить от новгородского посадника Остромира. Остромир (Иосиф) был посажен в Новгороде князем Изяславом Ярославичем в 1054 г. вскоре после его вступления на великокняжеский престол. Около 1060 г. Остромир погибает во время похода на чужь⁸⁵. Судя по послесловию Остромирова Евангелия, он был родственником князя Изяслава⁸⁶.

По поводу этого родства существуют две версии.

созданному, по версии А. А. Гиппиуса, в честь свадьбы Мстислава Юрьевича и дочери боярина Петра Михалковича (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 180–182; Гиппиус А. А. К атрибуции новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 379–394).

⁷⁹ НПЛ. С. 22–23.

⁸⁰ Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. II. С. 147; Круглова Т. В. Из истории княжеских браков в Новгороде в XII в. (о семейных связях Всеволода Мстиславича и Святослава Ольговича) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 2003. Вып. 17. С. 222–223.

⁸¹ Лишь в 1191 г. НПЛ упоминает первого республиканского тысяцкого Милонга (Миронга) (НПЛ. С. 40).

⁸² Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 156–162.

⁸³ Не исключено, что с незначительным происхождением новгородской невесты князя Святослава Ольговича можно в какой-то степени связать его конфликт с владыкой Нифонтом (1136 г. НПЛ. С. 24). Впрочем, для отказа владыки совершить обряд венчания («не достоить ея пояти») могли существовать и другие причины (см.: Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. II. С. 265–266; Круглова Т. В. Из истории княжеских браков в Новгороде в XII в. (о семейных связях Всеволода Мстиславича и Святослава Ольговича). С. 224–227). И. И. Григорович считал, что жена Святослава была дочерью посадника Петрилы ([Григорович И. И.] Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М. 1821. С. 75).

⁸⁴ Гиппиус А. А. «Соуть людие новгородьци от рода варяжьска...».

⁸⁵ Софийская первая летопись (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1). М., 2000. Стб. 182; Новгородская Карамзинская летопись (ПСРЛ. Т. XLII). СПб., 2002. С. 65; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 349; Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись» // Из истории культуры древней Руси. М., 1984. С. 71; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 70–71.

⁸⁶ Буслав Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков (репринт изд. 1861 г.). М., 2004. С. 7.

С одной стороны, по предположению Д. И. Прозоровского, Остромир мог быть в родстве с предыдущим новгородским посадником Константином Добрыничем, может быть, даже его сыном⁸⁷ и, следовательно, троюродным дядей князя Изяслава Ярославича⁸⁸. Эта гипотеза в общих чертах поддержана большинством исследователей⁸⁹.

В то же время А. Поппэ предложил иной вариант возможного родства Остромира и Изяслава. Он показал, что жена Остромира Феофана могла быть дочерью Владимира Святославича и княгини Анны — дочери византийской императрицы Феофано, в честь которой и была названа девочка, родившаяся у русской княжеской четы (то есть внучка императрицы)⁹⁰.

И та, и другая версии выглядят правдоподобно. Не отдавая предпочтения ни одной из них (хотя обе они могут соответствовать действительности⁹¹), отметим лишь главное: и Остромир, и его дети от брака с Феофаной⁹² были родственниками потомков князя Владимира Святославича.

Первое и единственное достоверное известие о сыне Остромира Вышате датируется 1064 г., когда он вместе с князем-изгоем Ростиславом Владимировичем и неким Пореем бежал в Тмуторокань⁹³.

Многие исследователи считают, что Вышату Остромировича можно отождествить с воеводой Вышатой, отцом Яна, который участвовал в неудачном походе князя Владимира Ярославича на Константинополь в 1043 г.⁹⁴, однако М. Д. Приселков, а за ним А. Поппэ, основываясь на хронологических выкладках, полагают, что это два разных персонажа⁹⁵.

Попробуем связать между собой отдельные факты. В начале цепочки поставим родство посадника Остромира (Иосифа) с князем Изяславом Мстиславичем, а в конце — женитьбу князя Мстислава Владимировича на дочери новгородского посадника Дмитра Завидовича, предположительно также связанной родственными отношениями с княжеским домом.

Как уже говорилось выше, по мнению А. В. Кузы, с 1078 г. при малолетнем князе Ростиславе Всеволодовиче, княжившем в Переяславле и получившем этот стол в возрасте восьми лет, находился советник Евстафий. Затем ок. 1088 г., по-видимому, тот же самый Евстафий оказывается в Новгороде в качестве советника (протопроедра) (посадника?) при двенадцатилетнем князе Мстиславе

⁸⁷ Прозоровский Д. О. О родстве св. Владимира по матери // Записки Императорской академии наук. СПб. 1864. Т. V. С. 17–26.

⁸⁸ Учитывая, что сестрой Добрыни, отца Константина, и матерью Владимира Святославича была ключница княгини Ольги Малуша (ПСРЛ. Т. II. Стб. 57). Мы не будем здесь рассматривать остроумную, но уязвимую для критики гипотезу А. А. Шахматова о родственных связях Добрыни и Свенельда, поскольку в нашем случае это не имеет решающего значения (Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 234–258; см.: Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись». С. 69–70).

⁸⁹ Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 123–124; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 197; Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись». С. 79; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 77.

⁹⁰ Поппэ А. Феофана Новгородская // НИС. 6(16). СПб., 1997. С. 102–120.

⁹¹ Изначальные родственные связи Остромира с княжеским домом могли иметь решающее значение для его брака с княжной Феофаной Владимировной.

⁹² А. Поппэ на основании анализа текста послесловия к Остромирову Евангелию пришел к выводу, что к моменту завершения работы диакона Григория над Евангелием у Остромира и Феофаны было не менее трех взрослых женатых детей (Поппэ А. Феофана Новгородская. С. 107–108; Буслав Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 2004. С. 7).

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 152. Традиционно считается, что из Киева, хотя, как уже говорилось выше, по предположению В. В. Мавродина и А. В. Кузы этому, возможно, предшествовала попытка утверждения Ростислава на новгородском столе, который в 1034–1052 г. занимал его отец Владимир Ярославич (Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 161; Куза А. В. Кто был наследником Остромира в Новгороде? С. 301–304).

⁹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 142; Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. С. 120–121; Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись». С. 72; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 76).

⁹⁵ Приселков М. Д. История русского летописания X–XV вв. Л., 1940. С. 18; Поппэ А. Феофана Новгородская. С. 118. Прим. 48. Если следовать первой из этих гипотез, то внуки Остромира Ян и Путята были хорошо известны в Южной Руси. Ян Вышатиц в 1071 г. собирает в Ростовской земле дань для князя Святослава Ярославича и подавляет там восстание волхов (ПСРЛ. Т. II. Стб. 165–168). В 1089 г. он упоминается как киевский тысяцкий при князе Всеволоде Ярославиче (ПСРЛ. Т. II. Стб. 199), а с 1093 г. он служит Святополку Изяславичу и умирает в 1106 г. после похода на половцев в возрасте 90 (?) лет (ПСРЛ. Т. II. Стб. 210, 257). Младший брат Яна — Путята Вышатиц с 1097 г. находился на службе у Святополка Изяславича, а в год смерти последнего (1113 г.) был киевским тысяцким (ПСРЛ. Т. II. Стб. 247, 249, 256–257, 275; ПСРЛ. Т. XLII.

Владимировиче⁹⁶. По В. Л. Янину Евстафия можно с определенной долей вероятности сопоставить с Завидом из посадничьего списка НПЛ⁹⁷.

В 1122 г. Мстислав Владимирович женится в Новгороде на дочери посадника Дмитра Завидовича — внучке некоего Завида⁹⁸. Как уже отмечалось, этот брак требует «генеалогического оправдания», то есть достаточно знатного происхождения невесты. А почему бы не предположить, что дед жены Мстислава Владимировича и Евстафий-Завид — одно и то же лицо? По крайней мере, хронология и социальное положение указанных персонажей этому не противоречат⁹⁹. В таком случае дочь посадника Дмитра Завидовича оказывается внучкой одного из сановников великого князя Всеволода Ярославича, бывшего советником (посадником?) при малолетних князьях Ростиславе Всеволодовиче в Переяславле и Мстиславе Владимировиче в Новгороде.

Однако близость к великому князю вовсе не равнозначна родству с ним. А нельзя ли предположить здесь еще и родственные отношения? На основании известных по письменным источникам фактов напрашивается версия возможного родства Евстафия с Остромиром (Иосифом) и через него с княжеским домом¹⁰⁰.

Как уже говорилось, из сыновей Остромира достоверно известен лишь Вышата, бежавший в 1064 г. с князем Ростиславом в Тмуторокань. Если оставить в стороне гипотезу о возможности отождествления его с Вышатай-отцом Яна, то о его дальнейшей судьбе мы ничего не знаем. Можно лишь предположить, что, вплоть до смерти Ростислава¹⁰¹, он находился с ним в Тмуторокани. Вряд ли после этого Вышата мог перейти на службу к вновь занявшему тмутороканский стол в 1068 г. Глебу Святославичу. Этому противоречит антагонизм с Глебом его предыдущего сюзерена — Ростислава. Поэтому не исключено, что Вышата Остромирович мог оказаться при дворе находившегося в сложных отношениях со Святославом и его детьми Всеволода Ярославича, занимавшего тогда переяславский стол.

А не мог ли быть Евстафий сыном Вышаты, сделавшим карьеру при князе Всеволоде? К сожалению, фактического материала для подобного утверждения нет, но, тем не менее, такой вариант вполне допустим. Тогда получится, что примерно через 10 лет после перехода его отца к Всеволоду Евстафий (Завид) назначается в советники (фактически первое лицо) при сыне Всеволода Ростиславе, а затем и при его внуке Мстиславе Владимировиче¹⁰² и вместе с последним возвращается в Новгород, откуда (?) его отец бежал 24 года назад и где его дед Остромир был посадником во время великого княжения Изяслава Ярославича (1054—1060 г.).

С. 99). Следует упомянуть также и о близких отношениях Яна Вышатича и его жены Марии со св. Феодосием Печерским, причем сын Яна (правнук Остромира?) Варлаам, постриженный прп. Никоном, становится первым игуменом Киево-Печерского монастыря, а затем игуменом монастыря св. Дмитрия, основанного князем Изяславом Ярославичем в Киеве. Пострижение Варлаама явилось причиной конфликта кн. Изяслава Ярославича с Печерским монастырем и вынудило прп. Никона уйти в Тмуторокань, где, по Д. С. Лихачеву, он, общаясь с Вышатай Остромировичем, пришедшим сюда с кн. Ростиславом Владимировичем, почерпнул ряд сведений по истории Новгорода, включенных позднее в третью редакцию ПВЛ (Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. С. 120—121. Настораживает здесь то, что в ПВЛ, как ни странно, нет сведений о посадничестве в Новгороде отца Вышаты — Остромира). И Ян, и Мария были похоронены в Печерском монастыре (ПСРА. Т. II. Стб. 257; Жизнь Феодосия Печерского // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1997. Т. I. С. 368—374, 386).

⁹⁶ Куза А. В. Печати Евстафия. С. 123—128.

⁹⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 85—87.

⁹⁸ НПЛ. С. 21.

⁹⁹ К тому же из письменных источников неизвестно больше ни одного Завида, связанного в это время с Новгородом.

¹⁰⁰ По крайней мере, с родом Рёгнвальда он как будто бы не связан, а других родственников Рюриковичей в Новгороде, не имевших княжеских титулов, кроме потомков Рёгнвальда Ульвссона (и Добрыни?) мы не знаем. Правда, здесь можно вспомнить о концепции возведения происхождения новгородской аристократии от Рюрика, сформулированной в НПЛ: «...и суть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжьска» (НПЛ. С. 106; см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 66). Действительно, ведь «с роды своими» пришел на Русь Рюрик с братьями, причем какая-то часть родичей Рюрика могла остаться в Новгороде после ухода варягов с Олегом на юг. И хотя нет никаких дополнительных фактов для развития данной версии, тем не менее, о ней также не следует забывать, говоря о новгородских княжеских браках.

¹⁰¹ 1066 г. См.: ПСРА. Т. II. Стб. 155.

¹⁰² Вероятно, в этих назначениях не последнюю роль могли как раз сыграть родственные отношения Евстафия с княжеским домом.

Вероятно, Евстафий (Завид) после весьма активного участия в новгородских делах¹⁰³ оседает в Новгороде, что, в общем-то, вполне объяснимо в контексте многолетнего княжения там Мстислава Владимировича.

Сын Евстафия (Завида) Дмитр также играет не последнюю роль в Новгороде, о чем свидетельствует его посадничество в 1118 г.¹⁰⁴ По-видимому, Дмитр Завидович был посажен на новгородское посадничество с санкции самого Мстислава Владимировича, поскольку это произошло вскоре после ухода этого князя в Южную Русь и утверждения на новгородском столе его сына Всеволода. Молодому князю Всеволоду Мстиславичу на первых порах был нужен опытный советник и в то же время надежный союзник его отца, связанный с ним давно сложившимися отношениями, сформировавшимися еще при отце Дмитра Евстафии (Завиде).

После смерти Дмитра Завидовича посадником становится Константин Моисеевич¹⁰⁵, по-видимому, также княжеский ставленник (по крайней мере, о его избрании летопись ничего не говорит).

Похоже, что на этом посаднике расчет Мстислава и Владимира Мономаха на местные кадры в новгородском посадничестве заканчивается, в результате чего в 1120 г. из Киева на посадничество в Новгород направляется Борис¹⁰⁶. Именно при этом посаднике Мстислав в 1122 г. берет из Новгорода себе в жены внучку своего бывшего советника (посадника?) Евстафии (Завида)¹⁰⁷.

Сын Дмитра Завидовича Завид уже избирается новгородцами, что может свидетельствовать о том, что потомство Евстафии (Завида) к этому времени основательно «вросло» в новгородскую среду и обрело поддержку местного населения¹⁰⁸. В том же году (1128 г.) Завид Дмитриевич умирает, и никакими достоверными сведениями о живших позднее представителях этого рода в Новгороде мы не располагаем.

Возвращаясь к Петрятину двору, можно предположить, что эта усадьба, расположенная на вьнекончанской территории, в дальнейшем отнесенной к Плотницкому концу, изначально принадлежала одному из потомков Остромира, перейдя в конечном итоге во владение Дмитра Завидовича, а затем к его дочери — жене князя Мстислава Владимировича.

В принципе, Петряту можно было бы отождествить и с Петрилой, идущим вслед за Завидом в посадничьем списке НПЛ. В таком случае можно допустить, что Петрята-Петрила был близким родственником Завида (Евстафии), например, его сыном.

С другой стороны, как уже говорилось выше, по версии А. Поппэ, у Остромира в 1057 г. было не менее трех взрослых женатых детей (см. выше). Тогда нельзя исключить и того, что Петрята может быть отнесен к другим ветвям потомков Остромира, осевшим в Новгороде еще в 50-е г. XI в., т. е. к сыновьям или внукам братьев Вышаты Остромировича.

Таким образом:

1. Поскольку Петрятин двор находился на вьнекончанской территории, впоследствии вошедшей в Плотницкий конец, то его владельцем, скорее всего, был не новгородский боярский посадник «нового типа», а человек из княжеского окружения (например, осевший в Новгороде, или пришлый, назначенный князем, посадник).

¹⁰³ Об этом свидетельствует представительный комплекс его актовых печатей. Из известных в настоящее время 37 булл протопроедра Евстафия, 27 (73%) найдено в Новгороде (в основном, на Городнице) (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. С. 182; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. С. 122; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 341; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 288; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. С. 183; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. С. 159).

¹⁰⁴ НПЛ. С. 21.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Если наша гипотеза о родословной Завида Дмитриевича верна, то здесь мы имеем один из примеров вхождения пришлых элементов из княжеского окружения в новгородское боярство.

2. Двор Петряты мог перейти к княжескому дому как собственность (приданое) жены князя Мстислава Владимировича, дочери посадника Дмитра Завидовича.

3. Брак князя Мстислава в Новгороде подразумевает знатное происхождение его невесты, скорее всего, родство с Рюриковичами.

4. Среди возможных новгородских родственников Рюриковичей, кроме потомков ярла Рёгнвальда Ульвссона, могли быть и потомки посадника Остромира, родство которого с князем Изяславом Ярославичем подтверждают письменные источники.

5. Не исключено, что внуком Остромира был советник-посадник при малолетнем Мстиславе Владимировиче протопроедр Евстафий, он же Завид из посадничьего списка НПЛ.

6. Отец жены Мстислава — Дмитр Завидович мог быть сыном Евстафия-Завида и правнуком Остромира, т. е. родственником Рюриковичей.

7. Следовательно, можно предположить, что владельцем Петрятина двора являлся один из представителей рода потомков Остромира, осевших в Новгороде или в середине, или в конце XI в. Петрятин двор, видимо, по праву наследования перешел к Дмитру Завидовичу, а от него (например, в качестве приданого) — к его дочери, ставшей женой князя Мстислава Владимировича.